

УДК 82.09:821.35

ББК 83.3 Кав

Б-59

Биданок Марзият Мугдиновна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языка Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. Керашева, т.: 8(903)4660065.

**ЖАНРОВЫЕ ПРИЗНАКИ ЯЗЫКА БАСЕН ХАЗРЕТА АШИНОВА
НА ФОНЕ СООТВЕТСТВУЮЩИХ КЛАССИЧЕСКИХ ОБРАЗЦОВ
(рецензирована)**

В данной статье рассматривается частый в литературной практике басенный жанр, аспекты истории его развития с уточнением жанровых признаков и модификаций. За неимением названной информации в адыгском контексте, статья посвящена цели выведения специфики данной (басенной) языковой национальной грани. Упоминая и анализируя некоторые общемировые классические образцы, автор сопоставляет их языковую специфику с особенностями адыгских жанровых черт, опираясь на материал языка басен автора середины прошлого века Хазрета Ашинова и приходит к формулировке названной специфики.

Ключевые слова: басня, жанр, признак, мировая, древняя, русская, адыгская, язык автора, Ашинов.

Bidanok Marziyat Mugdinovna, Candidate of Philology, senior researcher of the Language Department of the Adygh Republican Institute for Human Studies named after T. Kerashev, t.: 8 (903) 4660065.

**GENRE FEATURES OF THE KHAZRET ASHINOV'S FABLE LANGUAGE ON THE
BACKGROUND OF RELEVANT CLASSICAL SAMPLES
(reviewed)**

The article discusses the common literary genre of fables, aspects of the history of its development with the specification of genre features and modifications. Due to the lack of the named information in the Adyghyan context the article is devoted to the deduction of the specifics of the fables language national phenomena. Mentioning and analyzing some classic world examples, the author compares their language specifics with the Adygh genre features. In this the author uses the language material of the fables of the last century author Khazret Ashinov, and so formulates the named specifics.

Keywords: fable, genre, sign, world, ancient, Russian, Adygh, the language of the author, Ashinov.

Басня – это короткий, нередко комический рассказ в списках или прозе с прямым моральным выводом, придающий рассказу аллегорический смысл. Действующими лицами обычно выступают животные, растения, вещи.

Как известно из истории древнего мира, религиозные деятели Аполлона в Дельфах первоначально антагонистично воспринимали расширение сферы влияния басен, однако после согласились с правом таких жанровых модификаций на контакт с читателем. В названной конструкции обнаруживается морально-эти-ческое состояние этноса, его национальное сознание, всенародное жизнелюбие, и положительное, и отрицательное восприятие творимым слово-продуктом окружающих его в реале и в виртуале жизненных лиц и событий. Греческие словесные единицы через Византию прошли в восточно-европейские державы и при этом оказались знамениты в античной Руси. Труды фригийского невольника, признающегося классиком жанра, Эзопа (самый знаменитый античный создатель басни середины VI в. до н.э.) собирались в печатные издания под

заголовком Эзоповы басни, которые многократно видоизменялись под мировые диалекты и транслировались для мировой публики. Их множили, копировали, штудировали в учебных заведениях, требовали наизусть и спрашивали на память.

В целом, применительно к проблемной терминологии, традиционным, общепринятым определением интересующего нас жанра басни является следующее, принятое и общеизвестное в советской теории литературы: это стихотворное или прозаическое литературное творение назидательного, сатирического оттенка. Однако применительно к рассматриваемому нами адыгскому автору Хазрету Ашинову мы в данной статье будем вести речь непосредственно о прозаической форме изложения, поскольку басенное творчество писателя базируется именно на ней. Здесь можно провести параллель с баснями античного баснописца Эзопа, которые тоже писались в прозе, находчиво, понятно и без затей, что способствовало тому, как они оказались одними из наиболее известных художественных творений в древней цивилизации.

В 70-80-е гг. XX в. имело место издание в г. Майкопе Х. Ашиновым такого басенного сборника, как «Зэ укIэн, тIо укIэн ...» (адыг. «Один раз прыгнешь, два раза прыгнешь...», 1981), причем в работах автора распространены имеющиеся тенденции, бытующие в отечественном обществе и сегодня в полном объеме. Сегодня, в пору всеобщего и повсеместного распространения пелены, застилающей пределы злостного и благостного, в пору насмешек над добром и восхваления зла, цивилизация обязательно ожидает себе в помощники басню. Ее возможная и доброжелательная ирония весьма своеобразно, режущими и стреляющими замечаниями в роли орудия, воспроизводит мировые этно-приоритеты. Причем к тому же это безжалостная муза в скромном наряде, появление коей на горизонте цивилизации можно считать прогрессом, поскольку она легка на подъем и всегда в состоянии передвигаться по любой поверхности и во всякой субстанции.

Во второй половине прошлого и, особенно, в нынешнем веках литературный жанр басни выступал на наш взгляд, одним из наименее частых в отечественной литературе. Данное социальное явление (редкость жанра) обусловлено требуемыми в басне жанровыми критериями: как считает большинство специалистов, басня ждет от словотворца искусного слогового инстинкта, животрепещущего интеллекта и безупречного обладания конфигурацией. Именно аналогичным требованиям и соответствуют возводимые Х. Ашиновым басенные конструкции, которые можно считать убедительно назидательными без излишних сухих нотаций. Бесспорно, такие творения исполняли крупную социально-весомую функцию, являясь сильным средством для их творцов, содействовали прогрессивному движению социума, формированию национального самосознания. Нужные наставительные, исполняющие роль воспитательных, аргументы твердо доносятся до читателя посредством любопытного для него изложения с привлечением и абстрактных, и конкретных персонажей, образов-масок, символов, которые активизировали в народной среде добросердечие, самоуважение, необходимую самоуверенность и умение ратовать за правду и истину, продолжать безжалостную битву с иностранными агрессорами, выкорчевывать изъяны и в собственной атмосфере. Подобную авторскую технологию мы и рассмотрим далее с привлечением текстов Х. Ашинова из названного сборника на адыгейском языке.

Одним из стержневых жанровых признаков применительно к басне традиционно признаются обязательные концентрация мысли, лаконичность и созвучная с ними иносказательность. Так, в свое время знаменитый французский баснописец Жан де Лафонтен показал все вероятное множество и непохожесть людских типажей и событийных явлений, уклоняясь при этом от непосредственного наставления и избирая формой донесения не поучительные, а комичные или трогательные фабулы. Басня не просто иносказательно, намеками и условными образами, апробирует некий морально-духовный образец, но и отвергает некоторые события и действия реальности, фактически противоположные мировым суждениям о правде, благе и красе, о высоком и доблестном.

Такое отвержение просматривается в различных типах художественного взгляда басенного автора на реальный мир (в частности, на уродливое и низкое).

Помимо сказанного, тексты курьезных изложений исполняют по своим способностям обстоятельную педагогическую миссию. По мнению классика отечественного литературоведения В.В. Виноградова, басня – это «наглядное иносказание, где центр тяжести лежит не в самом сказании (как в образе), т.е. не в тексте басни и не в формах карикатуры, а вне ее, в том ином, о чем она поучает и резонирует» [1].

Как выше сказано, басенное изложение иносказательно, и, тем не менее, это не препятствует его другому стержневому жанровому признаку – назидательной тональности, отчетливо просматриваемой в присутствии автора с помощью его конкретных комментариев и рассуждений. Так, в своих начальных трудах французский басенник Жан де Лафонтен придерживался линий античного Эзопа, подлинно излагая в лирике назидательные тональности греческого словотворца, сюжеты коего выступили костяком для продуцирования немалого числа авторов, наступивших позже периодов и обнаружили воздействие на разнонациональные – армянскую, сирийскую, арабскую, индийскую, еврейскую – литературы. Понемногу так Х. Ашинову представилась допустимой абсолютно свежая тактика. Назидание не обнаруживалось преимущественной задачей писателя. Гораздо существеннее для него было обнаружить личные ощущения или расположения духа, что произвело неисчислимы авторские вставки, комментарии, философские и бытовые, негативные раздумья в его баснях.

Назидательная тональность иллюстрируется тем, что в почине обыкновенно проговаривается краткая мораль, являющая собой фактически наставническое заключение, с целью коего басня и задумывалась. Чаще всего оно содержит пессимизм автора. Так, рассказывая о происходящем в басне «Псынэпкыым тетыр» (= «Стоящий на берегу») вышеуказанного сборника, автор искренне сожалеет, наблюдая за мужающимся, прыгнувшим в лодку и размахивающим веслами персонажем Касимом, ораторствовавшим только что на берегу. Следовательно, и здесь авторский комментарий содержит легко улавливаемое сожаление: «Сыдэу щытми, ар ихьагъ псыгум» (= «Несмотря ни на что, он вошел в середину реки») [2], которое в следующем куплете уже оправдывается «Къасым псыхьо чъэрым хихьагъ, кьыхэк1ыжьбын ыльэк1ыгъэп» (= «Касима снесло течением, ему не удалось выплыть»), а через пару куплетов – пришел конец, а с ним – и национальная память: «Къасым п1омэ, гущы1э кы1ожьрэп» (= «Скажешь: «Касим», он не отвечает (не отзывается)») [2].

Авторское сожаление в почине имеется и в другой, посвященной путешествующей мухе, басне («Европэм шы1агъэр» (= «Была в Европе»). Когда героиня рассказывала обо всех своих многочисленных и зарубежных маршрутах, и о своих ресторанных предпочтениях в Европе, она упомянула об осуществляемых там и доставляющих ей удовольствие танцах, и тогда строгий автор закончил текст моралью: «Ащ кыльэгъугъэп ресторан нэмык1, / Путевкэ хъазынэм джар ик1одык1!» (= «Она не увидела ничего кроме ресторана / Так и пропала прекрасная путевка!») [3].

А в басне, описывающей коммуникацию Трактора и Пенька, второй страдает от нападающего на него первого, и авторское сожаление прослеживается в таком, судьбоносном для деревянного остатка как природного элемента, описании: «Тракторыр к1ырыуи, хичыгъ Такъэр, / Ригъэтакъоу жьозэ, ыпэк1э мак1о...» (= «Трактор дернул, вырвал Пенек, / Вспахивая разрушенное, продвигается вперед») [4]. Спасаящее в короткой басне «Чъыгъ жьау» (= «Тень дерева») путников от яростного солнца и восхваляемое ими дерево в итоговой морали находит свой конец, явно расстраивающий любовавшегося деревом автора: «Пчыхъэр кызысэм ... чыгыр раупк1и, / Аргъоимэ маш1о араш1ыл1агъ!» (= «С наступлением ночи ... дерево срубили, / Устроили комариный костер!») [4].

Однако порой имеет место и явно выраженный оптимизм. Так, к примеру, в вышеназванной басне об утонувшем Касиме Х. Ашинов в качестве морали приводит давнюю народную мудрость: «Псы нэпкъым тетыр къошьофык1э Iаз» (= «Стоящий на берегу – ловко управляет лодкой»). Однако он авторски дополняет мысль, признаваясь в этом: «А гушыIэжъым тэ готэгъахъо: / ЗымышIэрэм шыкIэм фигъэсэнхэр ихабз» (= «К этой поговорке мы добавляем: / Тот, который не умеет учить всех») [2]. Либо в другой басне «Тракторымрэ Такъэмрэ» (= «Трактор и Пенек») того же издания авторская мораль состоит в общеглобальном выводе на перспективу и с твердым оптимизмом: «Тракторыр кIырыуи, хичыгъ Такъэр, / ригъэтэкъоу жъозэ, ыпэкIэ макIо ...» (= «Трактор дернул и вырвал Пенек едет вперед вспахивая.»), «Тэ тишьофхэм бэ такъэу арытыр» (= «В нашем поле имеется много пеньков»), «Ау тракторэу тиIэри нахъ макIэп» (= «Однако имеющихся у нас тракторов не меньше!») [4].

Назидания моральных установок передаются посредством слияния негатива с иронией, что в целом характерно как для адыгского менталитета, бесстрашного и вразумительного, так и для повествовательного дара Х. Ашинова. Смехо-содержащие составляющие и приемы в литературе любого этноса выступают уникальными событиями по их содержательной насыщенности и многозначности, в басне преимущественно ведут именно высмеивание человеческих изъянов поведения на фоне многочисленных ситуаций реальности. Острый честный (не всегда радостный) смех есть демонстрация присутствия власти, сдерживающейся от ближайшей бездны. И потому другим жанровым признаком басни, отчетливо присутствующим в произведениях рассматриваемого автора, считаем именно иронию. В ней обнаруживаются общенациональный интеллект, рассудительность, экспрессия, живая смеховая цивилизация этноса.

Рассматриваемый автор личную грусть, меланхолию либо личную отраду, жизнелюбие выказывает в надлежащем эпизоде так, что не конкретно акт, а пробирающий его настрой сосредоточивает в себе смысл фрагмента. Подобным способом Х. Ашинов назначает себе все ту же задачу: собственным текстом сориентировать читателя, а с ним и общество, – на решение наиболее серьезных (моральных) проблем людского существования. Иницированное поглощаемым при чтении расположение духа, вызванные им чувства в комплексе составляют именно необходимой для цивилизации (особенно современной) компонент. Объектом авторского художественного изучения преимущественно оказываются душа и ее мир. Данный факт говорит о том, что в поле зрения автора чаще располагались вопросы совершенно этические. При этом мощь авторского словесного орудия умеет обращать легкомысленные читательские волнения в сильно личные эмоции. Описываемые писателем полотна дороги тогда отнюдь не живописностью и яркостью, а такой персонализированной материей, каковая организуется в случае взаимовлияния природы наружной с натурой персональной.

Другой тип сравнения – с бытовыми предметами, использовал в своей повести «Тамань» еще М. Лермонтов, используя повседневный подтекст в лирических сопоставлениях своей героини и ее романтической обстановки («огненный поцелуй», «звуки падают с неба» и т.д.), что инициировало уважительный отзыв В.Г. Белинского: «Мы не решились сделать выписок из этой повести («Тамань»), потому что она решительно не допускает их: это словно какое-то лирическое стихотворение, вся прелесть которого уничтожается одним выпущенным или измененным не рукою самого поэта стихом: она вся в форме; если выписывать, то должно ее выписать всю от слова до слова; пересказ ее содержания дает о ней такое же понятие, как рассказ, хотя бы и восторженный, о красоте женщины, которой вы сами не видели. Повесть эта отличается каким-то особенным колоритом: несмотря на прозаическую действительность ее содержания, все в ней таинственно, лица – какие-то фантастические тени, мелькающие в вечернем сумраке, при свете зари, или месяца. Особенно очаровательна девушка».

Таковые обыденные, близкие к предметам, сравнения имеют место и в баснях Х. Ашинова: падающий в воду Касим подобен «дзю ушьагъэ хадзагъэм фэдэу» (= «подобно

брошенному туда набитому мешку»). И тогда для упавшего в реку героя, голова которого однажды появилась, но тут же пропала, «вода холодная кипит» (= «Псы чыы1эр кьяжьо») [2]. Презирующий своего собеседника Трактор доносит свою мысль «холодным голосом» (= «ымакэ чыы1эу»), а ненавидящий своего собеседника – Струну – Щичепцин сам себе на риторический вопрос «Что там хвалить?» отвечает: «Это лишь росинка, пропадающая с утренним солнцем». Далеко в минувшее погружаются истоки данных общеязыковых сравнений.

Наряду со сравнениями частыми в басенном слоге Х. Ашинова можно считать обобщения. Единственным выражением, порой единственным местоимением, стезей успешного слововедения пробираются в сущность нрава, объекта, события и формируют как оптимистические, так и пессимистические фигуры обобщающего характера: стоящий на берегу оратор Касим «Пстэури ащ егэда1о» (= «Все слушают его»), «еггасэу зэк1э» (= «воспитывая всех»). Струна, упрекающая щичепцин, сдерживающий ее в его пределах, обобщает свои доводы: «Сыд фэдизэу щытхэу чып1э сэ сихьяг, / Ау щытхэур зэк1э оры зыфа1орэр» (= «На какой бы уровень похвалы я ни поднималась, / Но хвала вся достается тебе») или там же «Сэ сыд, зыпари сымыш1агэм фэд!» (= «Я что, как-будто ничего не сделала!») [3].

Либо муха, хвастающая своими путешествиями, обобщает свои заслуги такими восклицаниями: «Ащ фэдиз плэзгэуныр пшгхьапэ!» (= «Столько увидеть это классно!»), «Зэк1э слэзгэуггэр кышыфэс1отаг ...» (= «Все, что я увидела, я вам рассказала») [3]. Делает такие восклицательные обобщения и пашущий в поле трактор (басня «Тракторымерэ Такэмрэ» (= «Трактор и Пенек»)), предрекающий развитие событий в его пахотной деятельности: «Ти1эшхэтетмэ т1ысып1э я1эштэп!» (= «У наших начальников не будет места присесть»), «Жьоным и1оф мыгэ сыухыштэп!» (= «Пахоту в этом сезоне я не закончу!»), «Губгэом нахьи хьакум о урищык1агэ» (= «Ты нужен печке больше, чем полю!»). Имеются в таких преувеличениях и гиперболы: «Нахыш1оу цыфмэ тафэгэлажэ» (= «Лучше поработаем на благо людей»). Возможны и отрицающие антитезы; так, представляя активно информирующего публику оратора, автор активно вещает о собственных заслугах: «Ежэ зыфэ1азэм зи щымыгэуаз» (= «никому не известно о его мастерстве»).

Подобного рода сказочные персонажи уверенно образуют характерный для ашиновского текста басенный слог, схожий со сказочным стилем. Его элементы неизменно присутствуют в авторской лексике и столь же неизменно складываются в авторский синтаксис. Такими сказовыми компонентами можно считать зачинающие сюжетику обороты и выражения типа «мафэ горэм» (= «какой-то день»), «зымафэ» (= «в один день»); обращения, сопровождаемые комплиментами, типа «тичыгы маф!» (= «наше счастливое дерево!»), «сиблагэ» (= «мой близкий»), «сыпсэзан» (= «душа моя») и т.д. Они придают сказовый оттенок изложению, соблюдая обязательные для басенного слога приоритеты, размещающие ее в жанровой шкале между прозой и сказкой.

Другой компонент выразительной языковой атрибутики, какой являются собой эпитеты, обширно распространенные в народном творчестве, встречается и в баснях Х. Ашинова. Беседующая со своим щичепцином струна слышит ответ несущего ее инструмента: «Тэ тит1о тызэшхээггусэ папк1, / Зыбын-унагэу, дэгэуи тэпсэу» (= «Мы вдвоем как настоящие супруги, / Как одно семейство, хорошо живем»). Либо принимающий участие в водных соревнованиях оратор Касим, мотивацию коего автор обосновывает тоже эпитетами: «Псыорхэр шхэухэу ащ кыдэдджэгух» (= «Строящие козни волны играют с ним») [2]. Как считает доктор филологических наук Чуякова Н.М. (Майкоп), «Через эпитеты передаются качественные характеристики героев, оттенки проявления, способ вхождения главных признаков предмета, героя, поступка, состояния и т.д. в сюжет и композицию рассказа». Имеются в приведенном фрагменте и обязательные для басен повторы, частые и неизбежные.

Следовательно, как удастся выявить на вышеприведенном языковом материале адыгского писателя Хазрета Ашинова, басенная струя предыдущих лет и столетий в отечественной литературе высвечивала многообразные грани общенационального существования, обнаруживала перекрестные, потенциально опасные обстановки, фамильные и будничные трудности, срывала маску с двуличности, лености, корысти, необразованности, бюрократии, словно с позорных эпизодов животрепещущей логики.

Литература:

1. Виноградов В.В. Избранные труды о языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 362 с.
2. Ашинов Х.А. Допрыгался!: басни (на адыг. яз.). Майкоп, 1981. 72 с.
3. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. V / под ред. С.А. Венгерова. М.: АН СССР, 1930. 864 с.
4. Чуюкова Н.М. Сатира и юмор в устном народном творчестве адыгов: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Майкоп, 2009. 64 с.